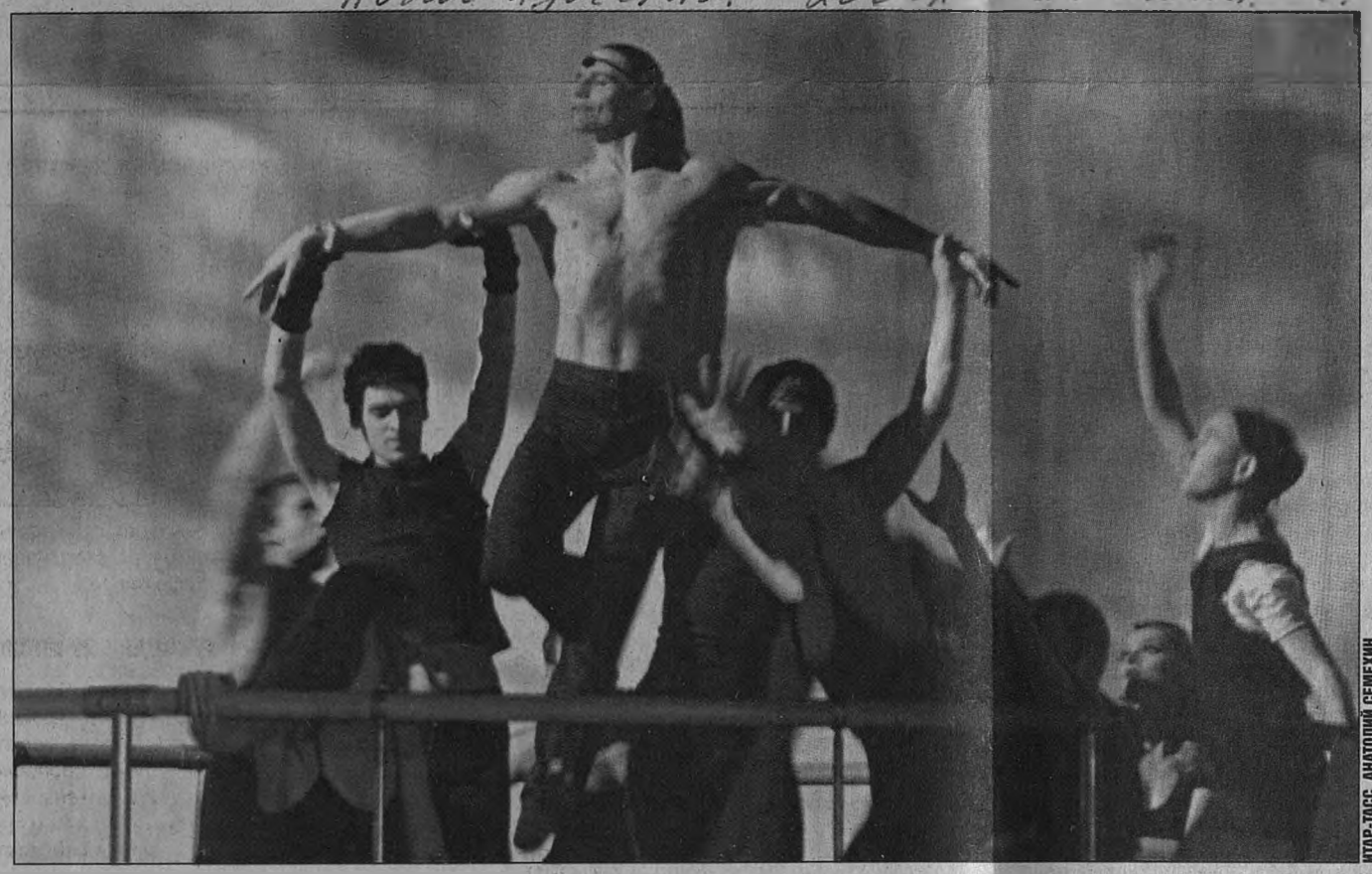
Виктюк Роман.

«Я совершил не только сексуальную революцию»

Новые известия. – 2004 – 27 июля. – с. 1,5

Окончание. Начало на стр. 1



ИТАР-ТАСС. АНАТОЛИЙ СЕМЕХИН

Спектакль «Нездешний сад» (Рудольф Нуреев) рассказывает историю российского балета и воспевает культ тела.

Студенты, что самое потрясающее, студенты университета писали письма, выставляли пикеты, беседовали с ректором. Ведущие театральные деятели – Арбузов, Ефремов, Розов, все те великие, которые были членами партии, писали Брежневу, писали на съезд. Но все бесполезно. Те, кто закрывал, пьесы не читали и спектакля не видели, но говорили, что под Кремлевской стеной совершена диверсия. Вот это был скандал.

Тогда все газеты писали, что это потрясение, свершение и тому подобное, а в горкоме партии сидела тогда дама по фамилии Бураченко – в соболях, такая толстая, здоровая тетка. Я ей принес газеты и говорю: «Как же быть? Вы посмотрите, все газеты пишут одно и то же. Неужели наша пресса столь подкупна?». Эта здоровая тетка ко мне наклонилась (кажется, она ела чеснок) и начала смеяться, нет – гоготать! Она сказала: «Да, подкупна!». Так впервые при советской власти я узнал, что можно подкупить нашу прессу.

– Но вас тогда и это не остановило?

– Мы просто уехали на Каширку в Дом культуры. Мы играли там то же самое. Мне казалось, что туда люди вообще не приедут. Сколько бы раз мы ни играли – снова переполненный зал. Нас нашли и там – райком партии. Мы уехали тогда за Кутузовский проспект. Там был какой-то районный Дом культуры, до которого нужно было добираться час через лес. Вся самая высокая интеллигенция, в том числе Евтушенко и Ахмадулина, нас там посещала. Но и там нас нашли. И закрыли. Дом культуры тот просто закрыли. Так или иначе ни одного спектакля для властей я не поставил. Поэтому мне не надо было потом, когда уже советская власть кончилась, выступать по телевизору, жечь публично партбилет, говорить, как ненавижу советскую власть. Некоторые ведь так поступали и наутро получали звание. У меня такой необходимости не было.

– Начало перестройки для вас стало освобождением от цензуры?

– К тому времени Петрушевскую я ставил уже в «Современнике». Готовился спектакль «Квартира Коломбино», в ней играли где-то 17 артистов. Тоже – все про власть, про ее метастазы. Экстрасенсы сказали нам с Галей Волчек – потерпите месяц. Месяц не выпускайте. Мы спрашиваем: «Почему?». Они говорят: «Месяц. Остальное вас не должно касаться». А как можно не выпускать? Министерство культуры знает, что мы репетируем, требует премьеры. Но мы стали ждать: выпустили бы до начала перестройки – это никогда бы не вышло. Прошел месяц – началась перестройка. И тех людей из горкома партии, которые могли бы запретить пьесу, уже не было.

– Вы и теперь обращаетесь к экстрасенсам?

– Я с ними все время общаюсь. Вот и сейчас у меня передача была большая с Аланом Чумаком. Я с ним дружу, но никогда ничего не спрашиваю. Был такой случай. Мы летели както из Киева. Подошли к самолету. Чумак говорит: «Мы не летим». Иду к командиру самолета. Я спрашиваю: «Вы человека этого знаете». Он говорит: «Да, но вас больше». Я объясняю ему, что лететь нельзя: Чумак сказал. В общем, отменили посадку на самолет. Проверили. Оказался неисправен. Как же после такого не верить?!

– И все же вы человек неординарный. Вы ведь не станете отрицать, что многие теперь приходят на ваши спектакли именно поэтому.

– Мой скандал – это выдумка. Это их импотенция. Ницше, например, сказал, что дух человеческий проходит три воплощения. Верблюд, лев и ребенок. Ребенок – самая высокая стадия воплощения человеческого духа на земле. Это такая энергия, как колесо, которое вращается само по себе. Это ответ миру – только «да». И ничего другого. Ребенок, который появился в мир, не может говорить «нет». Свыше дано только «да»: маме, папе, творчеству, поиску, любви, даже государству. И поэтому хотя меня всегда увольняли, закрывали, я приходил к этим министрам, улыбался и никогда ничего не просил.

Вот эта моя детскость и есть скандальность. Неуходящая детскость! Если у человека, который занимается театром, этот ангел-хранитель детства уходит, а человек взрослеет, на этом все заканчивается. Поэтому гибнут толпы молодых артистов, которые, как дети, в первой фазе за все хватаются, побеждают, попадают на экраны, в сериалы. А уже второй этап, когда должен быть ум... а его уже нет. А до третьего и не доходит, когда соединение ума и сердца – это высшее духовное достижение. Детскость должна оставаться.

– Вы и ваши актеры остаетесь детьми?

– Ты же видишь, как они ведут себя. Никакого с моей стороны крика, диктаторства. Просто мы семья. И каждый спектакль – это ребенок. «Саломее», например, 5–6 лет, а «Нурееву» 7 месяцев. Он самый маленький, самый дохлый ребенок, который требует любви. Я могу сидеть здесь и все знаю, что происходит там, на сцене. Есть какие-то нити, которые они отправляют мне, а я им. Это самое высокое. Моих актеров я называю детским садом. Раньше при советской власти детсадовцев вывозили за город, на речку. А нас вывезли в Дом музыки. Многие не понимают. Пугачева, например, мне говорит: «Такая реклама. Только твой театр может себе такое позволить!». Она тоже думает, что здесь скандал. Но я же не буду ей ничего рассказывать и объяснять: она все равно никогда не поймет.

– В конце восьмидесятых – начале девяностых вы были одним из тех, кто совершал в стране сексуальную революцию...

– Ну почему же только сексуальную революцию? Американцы вот написали, что я произвел в стране просто революцию – как Ленин в 17-м году. Это в «Нью-Йорк Таймс» было написано. Что же до революции сексуальной... все началось со спектаклей по пьесе Жене «Служанки» и «М. Баттерфляй» американца Хуана. Тогда тоже били стекла. По всей стране. В «Современнике» была Петрушевская, и на Таганке впервые я поставил «Федру» Марины Цветаевой. Так Цветаева первый раз была озвучена в уже постсоветском театре. Еще когда на Таганке не было «Мастера и Маргариты», я ставил этот роман в Вильнюсе и Таллине.

– Сейчас можно ставить все и везде. Это облегчает вашу работу?

– Это меня не касается, потому что я и ставил все, что я хочу. Никогда не ставил по заказу. Закрывать меня совершенно бесполезно. Сколько раз закрывали, а я улыбался. У меня была возможность уехать, потому что меня приглашали при советской власти. Мне както задали вопрос, хотел бы я изменить прошлое, не начинать работать при советской власти. Я ответил: «Никогда». Я им даже благодарен за все, за то, кем я стал.

– Как же вам удавалось обходить цензуру?

– Мне было все равно. Они делали, например, 117 замечаний. Через неделю приходили: осталось 90. А мы ничего не меняли. Просто продолжали репетировать. Я репетировал со всеми самыми лучшими артистами второй половины XX века в России. Доронина, Фрейндлих, Калягин, Демидова, Гафт, Образцова, Макарова. Мы все вместе спасались, потому что мы существовали в окопах. И пока наверху человек с автоматом смотрит на один окоп, мы уже перебегали в другой. Есть предопределенные вещи. Я, например, считаю, что нельзя ничего планировать. Глупо тратить на это здоровье, связи, родителей просить, подкупать кого-нибудь. «Наш мир лежит во зле», – сказал это не я, Федор Михайлович, и ненависть, зависть, зло, предательство – все это ведь давно уже для многих норма жизни. Включи телевизор – жить не хочется. Я сам вижу, как дети на это идут, я же профессор ГИТИСа.

– Новое поколение – жесткое?

– Фантастическое поколение. Такого еще не было. И на всей земле нет таких ребят, как наши, которым сейчас 17–19 лет. На фестиваль они приходят, подходят к нам. Мы играли «Секо». Подошли четверо ребят 16–17 лет. Говорят: «Знаете, мы впервые в театре. Мы и не знали, что театр – это так интересно». У них потрясающие глаза. Мы же объездили столько стран: нигде нет таких ребят.

– Вы часто ставите спектакли с людьми нетеатральными. Каков ваш принцип подбора актеров? Не боитесь непрофессионалов?

– Я считаю, что обучить профессии легко. А вот быть человеком... И чтобы в человеке этом была любовь – этому не научишь.

– Как соотносятся внешняя красота, эротизм тел и внутреннее содержание, психологическая драма?

– Это же их профессия – развитие тела и души. Если есть внутреннее, будет и внешнее. А красота только в детскости, непосредственности. А когда ты поглощен завистью, карьерой – красота уходит. Они все снимаются, я им все разрешаю. Пожалуйста, только делайте так, чтобы это не мешало нашему делу. Вот, например, Нуца. Она не просто певица – она ребенок. Я ее просто обожаю.

– Как певица попала в драматический театр?

– Был вечер Ананиашвили. Мы с ней сидели на Арбате в казино за соседними столиками. Вижу, девушка какая-то смотрит на меня безумными глазами. Я думаю: «Боже мой. Какая у меня популярность. Молодые уже меня знают». Она подошла, говорит: «Я вас люблю!». И хотела говорить дальше. Но ей говорят, что надо идти на сцену, она пела в этом казино. Она спела песню Эдит Пиаф. Когда вернулась, то я уже начал признаваться в любви ей. И в это время меня зовут на сцену. К тому моменту, когда вернулся за столик, уже решил, что нужно начинать с нею репетировать пьесу о Пиаф. Пьесы у меня в голове не было, текста – никакого, но я ей сказал: «Завтра ты приходишь, и мы начинаем репетировать». И мы сочиняли спектакль вместе.

– То есть появление в вашем театре нового актера нередко просто случайность?

– Это не случайности. Вот вечером открыты окна на даче. Огонек. И бабочки летят. Некоторые понимают, что это свет и надо стать частью этого света, раствориться в этом пламени. Погибают, конечно. Но человек, растворившийся в таком свете, только выигрывает. Главное – попасть в эту ауру любви и отдать свою частицу любви. И постичь себя. Путь к себе – самый сложный путь. Вот мои актеры и ищут себя философски, человечески, психологически.

В театральном мире принято закрываться на лето или уезжать на гастроли. Но не в Театре Виктюка. Фестиваль, проходящий в Доме музыки, – наглядное тому подтверждение. Здесь за месяц будет показан весь активный репертуар театра, что бывает нечасто. Театр Виктюка, со дня своего основания не имеющий собственной площадки, вечный пилигрим-кочевник. Поэтому и выступает в Москве всегда будто проездом с одних гастролей на другие. Многие считают, мол, поэтому Виктюк и собирает полные залы, что бывает здесь редко. На фестивале можно увидеть и отечественную классику – «Мастера и Маргариту» Булгакова с Дмитрием Бозиным и Николаем Добрыниным. И зарубежную – самый старый спектакль на фестивале «Саломея» Оскара Уайльда, уже больше 5 лет являющийся программным для театра. Есть и истории о судьбах гениев XX века. «Эдит Пиаф» с джазовой певицей Нуцей, которая сама вдохновила режиссера на постановку и сама же сыграла в ней главную роль. «Рудольф Нуреев. Нездешний сад» – выдающаяся актерская работа Дмитрия Бозина. История о жестоком мире балета, о славе, полной трагизма и одиночества. И по контрасту с невозмутимой серьезностью «Нуреева» – спектакль по роману Берджесса «Заводной апельсин». Притча о молодом головорезе Алексе, местами переходящая в стеб над всем миром и особенно над зрителями.

Особняком на фестивале стояло сольное выступление Нуцы с романтическим названием «Любовница любви». Концерт прошел не без накладок: несколько раз открытый рот певицы не совпадал с фонограммой. Другие постановки – долгое время запрещаемая «Давай займемся сексом» Красногорова, «Путаны» Манфреди и «Мою жену зовут Морис» Шарта, – может быть, менее значительны, но не менее интересны.

Татьяна ПОДОЙНИЦЫНА